

Пока он стоял, погружённый в созерцание каменных ступеней, пронизанных ровной, почти безмолвной энергией, с другой стороны горы, почувствовав колебания истинной сути, прибыли Чжу Янь и Чжу Сюй. Их шаги были быстры, но тут же замедлились, едва они увидели главу секты.

— Глава секты! — воскликнул Чжу Янь, остановившись на краю тропы, дыхание его слегка сбилось от спешки.

Цзян Синчжи не обернулся сразу. Его взгляд скользил по лестнице, вырезанной в живом камне, будто сама гора Панши склонилась перед чьей-то волей. Каждая ступень была идеально ровная, одинаковой глубины, ни единой трещины, ни следа дрожи в линиях. Это было не просто строительство. Это молчаливое заявление, что Секта Гуйсюэ больше не будет прятаться в туманах.

Наконец он спросил, голос его звучал тихо, но повелительно:

— Что это за ступени на горе? Кто их сделал?

Чжу Янь выпрямился, глаза его светились восхищением:

— Это Бай Му вырезал их.

Чжу Сюй кивнул усердно, добавляя:

— Да, да! Всё одним ударом меча. Ни одной лишней черты. Будто гора сама расступилась перед ним.

Цзян Синчжи замер.

Всё одним ударом?

И вот тогда он понял, почему Бай Му не пошёл с ним сегодня в город Сюньян. Не потому что был занят. Не потому что устал. А потому что прокладывал путь для восхождения всей секты — камень за камнем, словно закладывая фундамент великой династии.

На миг перед глазами всплыли те пальцы — сильные, с тонкими рубцами от клинка, что когда-то коснулись его души, будто проводя по струне арфы. Он вдруг осознал: да, Бай Му действительно был мастером меча. Не просто практиком, не просто воином — воплощением намерения стали.

И тогда, глядя на эту лестницу, он невольно задался вопросом: Кто же из них сильнее — он или Сюй Цзянь, которого называли Высшим Мастером Мечей мира?

Сожаление мягко коснулось сердца, как прохладный ветер сквозь листву.

— Как жаль... — произнёс он тихо. — Я так и не увидел, как брат Бай использует свой меч.

Чжу Янь, услышав это, не сдержался. Глаза его загорелись, будто он снова стоял на краю утёса, наблюдая за тем, что невозможно описать словами.

— Я никогда не видел такого чистого и яростного боевого намерения, — сказал он, голос дрожал от благоговения. — А меч, связанный с жизнью Бай Му Даньжэнь... он словно...

— Чжу Янь. — Тихий и холодный голос, не терпящий возражений, прозвучал, как лезвие, опущенное на шею

Все обернулись.

Из соседнего дворика, словно материализуясь из самой тьмы, вышел Чжун Мин. Его чёрные одежды слились с ночным воздухом, не отбрасывали тени, будто он двигался не по земле, а по границе между мирами. Взгляд его, ровный и безжалостный, упал на Чжу Яня.

— Раньше, когда ты занимался разведкой, — произнёс он, — ты был так же болтлив?

Чжу Янь побледнел. На мгновение показалось, будто он снова стоит в подземельях Башни Цзицзюэ, где каждое лишнее слово могло стоить жизни. Он тут же опустил голову, сложил руки в почтительном поклоне:

— Простите, Бай Му Даньжэнь.

Чжун Мин не ответил. Он лишь отвёл взгляд, будто уже забыл о нём, и шагнул вперёд, остановившись перед Цзян Синчжи.

Луна осветила его строгое, красивое, как вырезанное из чёрного нефрита, лицо.

— Только что прошёл через возрождение, — сказал он, голос стал мягче, но всё ещё звучал с упрёком, — а вместо того чтобы отдохнуть, бродишь по горе среди ночи. Тело ещё не восстановилось, а ты уже роешься в чужих делах.

Цзян Синчжи посмотрел на него. В глазах горела не вина, а лёгкая искра насмешки, туго сжатая, как пружина.

— Ах, — сказал он, будто вспомнив что-то важное. — Я же переставлял мебель.

Тишина повисла над двором, тяжёлая, как дым после пожара.

Чжун Мин молчал.

Чжу Янь и Чжу Сюй стояли, будто окаменев.

Даже ветер замер в ветвях.

Потом, очень медленно, Чжун Мин закрыл глаза.

И только тогда, впервые за весь вечер, на его губах мелькнуло нечто, напоминающее усталую улыбку.

Той ночью, на вершине горы Панши, среди тишины, окутавшей секту Гуйсюэ, как пелена старинного шёлка, начали расставлять вещи, привезённые из дома семьи Шан. Воздух был пропитан влагой, лунный свет стекал по камням, будто ртуть, и каждый предмет, появившийся из сумки хранения, казался не просто мебелью, а символом чего-то большего.

Цзян Синчжи, опершись на свои тонкие, белые, будто вырезанные из лунного света руки, один за другим достал из своей сумки шесть столов «Восьми бессмертных» — массивных, инкрустированных нефритом и слоновой костью, каждый весил, как алтарь предков. Дерево их было тёмным, с прожилками, напоминающими следы драконьих когтей, а ножки вырезаны в форме львиных лап. Когда последний стол оказался на земле, вся вершина замерла, словно духи горы затаили дыхание перед этим вторжением роскоши.

Когда он закончил, Цзян Синчжи опустился на край одного из столов, приложив тыльную сторону ладони ко лбу с театральным утомлением:

— Истошил свое хрупкое тело... совсем обессилел.

Все молчали.

Даже ветер не посмел зашевелиться в листве.

Чжу Янь почувствовал, как что-то невидимое сжало его затылок, словно чья-то холодная рука легла на шею. Он непроизвольно сглотнул, потом быстро, с преувеличенной почтительностью, подхватил кровать из красного дерева:

— Глава секты! Куда следует поместить это, в вашу спальню?

Цзян Синчжи бросил взгляд на скромную деревянную хижину, стоящую у края утёса, и мягко

покачал головой:

— Чжу Янь, не говори так пафосно. Посмотри, какой простой и скромный твой брат Сюй.

Чжу Янь обернулся.

Чжу Сюй уже нес ширму, лицо его было спокойным, без малейшего следа внутреннего волнения.

— Глава секты! — позвал он громко. — В какую сторону главного зала поставить эту ширму?

— ... — Цзян Синчжи махнул рукавом. — Как хотите.

Убедившись, что они уже организовано, почти как воины в строю, погрузились в работу, переноса мебель с точностью формационного массива, он медленно достал из-за пазухи бархатную шкатулку и повернулся к Чжун Мину.

— Разделим добычу, — сказал он, голос стал мягче, почти задушевным. — Подарок семьи Шан за помощь. По одному на каждого.

— Что это? — спросил Чжун Мин, подходя ближе.

Крышка шкатулки открылась. На тёмно-красном бархате лежали две Лунные Жемчужины — одна алого цвета, пылающая, как закат над пустыней; другая — голубая, мерцающая холодом, будто капля воды из подземного озера. Их энергия была сдержана, но чувствовалась древняя, мощная, как дыхание дракона, спящего под горой, сила.

Цзян Синчжи осторожно отвёл взгляд от голубой жемчужины, будто она могла обжечь его душу, и указал на красную:

— Возьми эту. Моя конституция особенная, я не могу прикасаться к холоду. А у тебя, брат Бай, в теле много огненной истинной сути. Эта жемчужина поможет уравновесить потоки.

Глаза Чжун Мина стали ледяными.

«Именно эта жемчужина причинила ему боль...»

Он уже хотел возразить, но в этот момент услышал:

— А если я надену красную... может, она пойдёт на пользу моему сломленному телу? Слово «сломленное» кольнуло его. Брови Чжун Мина дрогнули. Он внимательно посмотрел на оба

подвеса — одинаковые по форме, разные по сути, будто две половинки одного целого. Потом выпустил тонкую нить божественного сознания, исследуя их энергию. Долгое мгновение он молчал.

— Надевай, — произнёс он наконец серьёзно. — Хуже не будет.

И, сказав это, сам взял голубую жемчужину и пристегнул её к поясу. Свет её мерцал в темноте, как глаз ночной змеи.

Цзян Синчжи провёл ладонью по щеке, бледной, как лицо выздоравливающего после долгой болезни, и с лёгкой улыбкой заметил:

— Хорошо. Красный придаст лицу жизненности.

Чжун Мин наблюдал, как он прячет жемчужину за пазуху:

— Ты не будешь носить её?

— Сегодня кто-то напомнил мне, что богатство не следует выставлять напоказ. — Прикоснувшись к груди, загадочно ответил он.

— ...

На тёмном поясе Чжун Мина голубая Лунная Жемчужина мягко покачивалась, отбрасывая на камень синеватый отблеск, будто капля зимы, застывшая в вечности.

— Но тебе не нужно об этом беспокоиться. — Лукаво добавил Цзян Синчжи — Ты и так выглядишь... внушительно.

В ответ раздался короткий, сухой смешок — «хех».

Цзян Синчжи, пользуясь своей легендарной бесстыдностью, сделал вид, что не услышал.

Хотя Шан Лусин утверждал, что эти жемчужины не пара, Цзян Синчжи всё же чувствовал нечто странное, когда они теперь обе висели на их поясах — как будто между ними протянулась незримая нить, слишком тонкая, чтобы её разорвать, но слишком прочная, чтобы игнорировать.

Он и Бай Му — каждый имел того, кого любил. Так что, им лучше не допускать, чтобы символы становились судьбой.

Учитывая нынешние скромные масштабы секты, расставить привезённые вещи оказалось делом недолгим. Всё было уложено быстро, почти тихо, будто они боялись нарушить хрупкое равновесие этой горной вершины, где каждый камень помнил одиночество, а каждый порыв ветра знал имя забвения. По сравнению с величественными комплексами Четырёх Великих Бессмертных Сект или роскошными усадьбами семей Цючжоу, секта Гуйсюэ сейчас напоминала скорее скромное жилище пастуха — деревянная хижина, несколько тропинок, вымощенных камнем, и фонари, едва мерцающие в ночи. Кто бы мог подумать, что в этом тихом уголке Цзючжоу, среди туманов и старых сосен, обитают двое из немногих в мире, достигших уровня Махаяны — ступени, где душа касается вечности?

Когда Чжу Янь и его младший брат закончили перестановку и ушли отдыхать, Цзян Синчжи уже направлялся к своей комнате, намереваясь провалиться в сон, как в бездонный колодец. Но в самый момент, когда он переступил порог, голос Чжун Мина, низкий и чёткий, как удар по колоколу в полночь, разрезал тишину:

— Сегодня Шан Лусин снова заикался об почётном звании старейшины?

Тема возникла так неожиданно, что Цзян Синчжи невольно замер, потом только хмыкнул и, не оборачиваясь, ответил:

— Напрямую не говорил... но намекал.

Чжун Мин молча провёл пальцем по краю нефритового подвеса у себя на поясе. Голубая Лунная Жемчужина, тихо светилась в темноте, словно капля зимней звезды. И вдруг, коротко, почти беззвучно, рассмеялся.

Низкий смех повис в воздухе, как дым от потухшего костра.

«Значит, всё-таки пытался заручиться его покровительством.»

Даже такой опытный человек, как Шан Лусин, сразу понял истинные намерения. А вот сам объект этих намерений — стоял здесь, перед ним, всё ещё с лёгкой улыбкой на губах, совершенно не ведая, как много вокруг него скрыто за вежливыми словами и дорогими подарками.

Цзян Синчжи почувствовал, как мурашки побежали по спине — этот смех пришёлся как раз между лопатками, будто кто-то провёл по ней кончиком лезвия.

— Ты чего смеёшься? — спросил он, оглянувшись.

Чжун Мин уже проходил мимо, его чёрные одежды развевались в ночном ветру, как крылья ворона.

— Получил щедрый подарок, — произнёс он, не замедляя шага, — сердце радуется.

Его силуэт растворялся в темноте, будто стирался с лица мира одним дыханием. Цзян Синчжи остался стоять на пороге, чувствуя, как в этом смехе звучала глубокая, почти горькая ирония, слишком многозначительная, чтобы быть просто шуткой.

— Брат Бай, — окликнул он, прежде чем тот исчез совсем. — Куда ты идёшь?

Чжун Мин остановился. Медленно обернулся. Уголки его губ чуть приподнялись, не до улыбки, нет, это был скорее след насмешки, тонкий, как лезвие.

— В боковой зал. В спальню.

— ...

Цзян Синчжи вернулся в комнату. Тело было истощено, дух — потрепан событиями дня. Он рухнул на кровать из красного дерева, подаренную семьёй Шан. Дерево было тёплым, благоухающим, с древним узором, вырезанным в изголовье — символом долголетия и покоя. Казалось, она должна была дарить сон, как мантия бога сна.

Но той ночью сон не принёс покоя.

Он проваливался в миры, которые давно считал закрытыми. То видел перед собой Девятинебесное Громовое Испытание — ослепительные молнии, падающие с небес, как клинки богов, разрывающие плоть, дух, судьбу. То всплывали Лунные Жемчужины, их холод и жар, мерцающие в темноте, будто глаза существа из глубин. То слышал голос Чжу Яня: «...а меч, связанный с жизнью Бай Му Даньжэнь, он словно...» — и дальше ничего, только эхо.

А в конце — появился он.

Сюй Цзянь.

Фигура, запечатлённая в его памяти на протяжении нескольких сотен лет, медленно повернулась. Лицо — строгое, как зимний рассвет, взгляд — без тени прощения. Без боли. Без любви. Только холодная решимость.

И тогда — вспышка.

Белый свет, как удар меча, пронзил всё: сны, воспоминания, даже саму ткань сознания.

Цзян Синчжи резко открыл глаза. Сердце билось, будто пыталось вырваться из груди.

Мать... — пронеслось в голове. — Я ведь умер всего несколько дней назад... Разве его ненависть ко мне может быть такой сильной, что он преследует меня даже во сне?

Он лежал, прикрыв глаза, медленно глядя грудь, пытаясь успокоить дыхание. Потом перевернулся, сел.

Не в силах больше лежать, он машинально схватил внешнюю одежду, набросил её на плечи и, не издав ни звука, открыл дверь, вышел наружу.

Краем зрения, он увидел движение.

В соседнем дворике, среди теней старых сосен, кто-то практиковал технику меча. Темная фигура двигалась плавно, почти бесшумно, держа в руке ветку вместо клинка. Его одежды ловили ветер, а на поясе мерцала голубая Лунная Жемчужина, отбрасывая на камни синий отсвет, как след кометы.

Возможно, услышав шаги, движение внезапно прекратилось.

Цзян Синчжи обернулся как раз вовремя, чтобы уловить завершение удара, последнее движение руки, поворот запястья, завершающий технику.

Он замер, не успев толком рассмотреть, ... но что-то в этом движении показалось ему знакомым.

Слишком знакомым....

<http://bllate.org/book/15487/1373256>